

**А. Р. Садокова\***

## **Восприятие японских бытовых реалий и японского этикета в русской культуре XIX века**

**П**роцесс знакомства российского общества с Японией в середине XIX в. проходил, с одной стороны, под знаком интереса и удивления по отношению к чужой культуре, с другой – при активном внутреннем отторжении увиденного. Еще не наступили те времена, когда была осознана необходимость попытаться «погрузиться» в незнакомую культуру, чтобы понять другой народ. Пока же инстинктивное отталкивание при виде «чужого», «неевропейского» рождало проблемы, и даже казусы.

До второй половины XIX в. достоверные сведения о жизни японцев, проникавшие в Россию, можно считать фрагментарными, что было связано с умышленной самоизоляцией Японии на протяжении почти двух с половиной веков. И потому появление «очерков путешествия» И. А. Гончарова – знаменитого «Фрегата «Паллада» положило начало формированию нового восприятия японских реалий у целого поколения русской интеллигенции и как следствие этого – повышению интереса к Японии, ее культуре и литературе. Интересно, что это, в свою очередь, во многом способствовало развитию японистики как области востоковедения.

Опубликованные первоначально в виде отдельных глав в «Отечественных записках» и «Современнике» с 1855 по 1857 г., путевые записки великого писателя произвели настоящий фурор. И когда в 1858 г. произведение вышло целиком, в двух томах, в издании И. И. Глазунова, его популярность была столь велика, что уже в 1862 г. потребовалось новое издание книги (всего же при жизни И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» издавался пять раз).

Значение «Фрегата» для развития русской культуры было очевидным: знакомая с описаниями Японии, равно как и многих стран Востока, в основном лишь по переводам с западноевропейских языков, русская интеллигенция впервые получила возможность приобщиться к «очеркам», которые были не художественным вымыслом, не пересказом чужих впечатлений, а рассказом очевидца.

---

\* *Анастасия Рюриковна Садокова* – д. филол. н., профессор кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ (г. Москва).

Дело в том, что в 1853 г. И. А. Гончаров оказался в составе третьего российского посольства во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным, которое прибыло к берегам Японии с целью провести секретные переговоры о заключении торгового договора, текст которого, утвержденный Николаем I, был у Е. В. Путятина на руках. Однако так случилось, что эти переговоры так и не привели к заключению договора. Что же касается И. А. Гончарова, то отправиться в кругосветное путешествие было давней мечтой писателя. Первоначально на место секретаря экспедиции приглашали поэта А. Н. Майкова, но он отказался, порекомендовав вместо себя И. А. Гончарова.

Наблюдательность И. А. Гончарова сыграла исключительную роль: во «Фрегате» тонко подмечены особенности политического и социального устройства Японии конца феодальной эпохи Токугава (1603–1868) и, главное, передан дух тех последних лет старого режима, времени, когда во всем чувствовалась острая необходимость перемен. Кроме того, в произведении можно найти огромное количество японских этнографических реалий, описаний повседневного быта и правил этикета. Интересно, что И. А. Гончаров обратил внимание на самые основные особенности японской бытовой реальности. И хотя в тот момент члены российского посольства чувствовали себя неловко при встрече с японскими реалиями и правилами этикета, почти все эти реалии и правила не только продолжают существовать в современном быту японцев, но и по-прежнему требуют специальных знаний и даже подготовки для нынешних исследователей-японистов, посещающих Японию.

Для примера можно взять безобидный на первый взгляд вопрос, с которым столкнулись члены российского посольства: сидеть или не сидеть членам экспедиции Е. В. Путятина на полу, как принято в японском доме, во время встречи у губернатора города Нагасаки. Все просьбы со стороны японцев опуститься на пол наталкивались на жесткое сопротивление: русской миссии не подобало сидеть на полу. Наконец было решено, что гости будут сидеть на стульях и в креслах, доставленных с фрегата. Дело, естественно, закончилось конфузом. Гости сразу почувствовали нелепость своего положения: ведь они сидели на стульях в традиционной японской комнате, исключаяющей наличие в ней европейской мебели. Как и сегодня, полы были покрыты соломенными матами- *татами*, раздвижные стены-*сёдзи* были оклеены бумагой, а комнату перегораживали расписанные ширмы. При этом «восседание» на высоких стульях происходило при отсутствии в комнате какой-либо другой мебели, но среди сидящих на полу японцев. Кроме того, гости не могли насладиться японскими кушаньями, которые слуги ставили на пол перед каждым из присутствующих: «Подойдя к гостю, слуга ловко

падал на колени, кланялся, ставил чашку на пол, за неимением столов и никакой мебели в комнатах, вставал, кланялся и уходил. Ужасно неловко было тянуться со стула к полу в нашем платье. Я протягивал то одну, то другую руку, и насилу достал» [1; 54].

Интерес к японскому жилищу, в котором И. А. Гончарову и его соратникам довелось побывать, что было, конечно, огромной редкостью в те времена, выразился в создании замечательных литературных зарисовок интерьера японского традиционного дома. Писатель отметил, что в японском доме нет стекол, а вместо них используется бумага, что перегородки в комнате раздвижные, и потому непонятно, одна это комната или несколько. Непривычным и чрезвычайно сложным оказалось осознание необходимости снимать обувь при входе в японский дом. С высоты сегодняшнего дня и современных знаний о японском быте забавными кажутся приготовления на фрегате к посещению дома губернатора: весь день накануне на судне шили специальные тапки, чтобы надеть их поверх своих сапог – не разуваться же! Однако сила привычки не позволила этим воспользоваться: многие так и вошли в комнаты обутые, забыв тапки при входе, чего, правда, учтивые японцы постарались не замечать. Совершенная оплошность и недостаточное знание правил раздосадовали И. А. Гончарова, который особенно подчеркивал чистоту и опрятность японских домов и одежды: ведь невозможно не соблюдать чистоту, когда «приходится сидеть, обедать, беседовать, заниматься делом на том же месте, где ходишь...» [1; 58].

Одежда японцев также стала предметом особого внимания И. А. Гончарова. Он подробно описал ее цветовой решение и даже попытался проанализировать ее функциональное назначение. Главным и, наверное, естественным выводом писателя оказалось понимание, что в японском традиционном быту, как и в быту других народов, все глубоко продумано и подчинено единым принципам и правилам. Обычай сидеть на матах-*татами* и управляться с утварью требовал одежды, не стесняющих движений. Потому-то так ловки были жесты японцев на приеме у губернатора! Но какие же страдания выпали на долю гостей, сидевших на стульях! Набить трубку, закурить углем и вытряхнуть пепел, используя принесенную и поставленную на пол лакированную деревянную подставку с трубкой, табаком, маленькой глиняной жаровней, с горячими углями и пепельницей, было делом практически невозможным.

Особенно поразил И. А. Гончарова парадный костюм японской знати, подробно им описанный. Многочисленные кимоно, широкие шаровары, длинная «мантия», а также головной убор из палье-маше – «маленькая, черная, с гранью коронка, очень похожая формой на дамские рабочие корзиночки, и, пожалуй, на кузовки, с которыми

у нас бабы ходят за грибами», придавали костюму особую торжественность и величественность. Казалось, что если бы кто-нибудь задумал создать самую неудобную одежду, то обязательно взял бы за образец японский парадный костюм. «Она (парадная одежда. — А. С.) выдумана затем, чтобы сидеть и важничать в ней», — писал И. А. Гончаров, добавляя при этом, что, «когда видишь японцев, сидящих на пятках, то скажешь только, что эта вся амуниция как нельзя лучше пригнана к сидячему положению и что тогда она не лишена своего рода величавости и даже красива» [1; 153].

Самобытный колорит придавали одежде и со вкусом подобранные цвета: мягкие, не бросающиеся в глаза, но и не утомляющие своей безликостью. Так была отмечена еще одна особенность японского традиционного костюма — преобладание мягких, нежных, пастельных тонов, придающих одежде особую загадочность и недосказанность. «Не верьте картинкам, на которых японцы представлены какими-то попугаями», — написал И. А. Гончаров, едва познакомившись с японской модой [1; 57].

Большой интерес представляют, несомненно, и страницы «Фрегата», посвященные японской традиционной пище, написанные так искусно, что создается полное ощущение собственного присутствия на обеде. У И. А. Гончарова, по его собственному признанию, была страсть к иноземной кухне, огромное желание приобщиться ко всему, что связано с незнакомой пищей: как подают, как садятся, что едят.

На японском обеде необычным было все: от посуды до угощения. Однако «добаться» до самой трапезы было не так-то просто. Приглашенные на прием члены русской миссии попали в совершенно необычную для европейских приемов и званых обедов атмосферу глубокого молчания и полной неподвижности: чиновники, согласно японскому этикету, стояли не шелохнувшись. Поразительное безмолвие присутствующих (приветствия произносил лишь сам губернатор и некоторые полномочные) рождало самые мрачные ассоциации: живые ли они? И вообще, как живут эти люди — «ходят ли они, улыбаются ли, поют ли, пляшут ли? знают ли они человеческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли в долгом сне, как живут люди?» [1; 155]. Конечно, это было лишь ощущение момента, разрядившегося самым бытовым образом: сначала один из чиновников, не в силах сдерживаться более, позволил себе высморкаться, а затем — совсем скоро всех пригласили выпить чашку чаю в ожидании, пока будет готов обед. Последовал вздох облегчения: «Ну, слава богу! мы среди живых людей: здесь едят!» [1; 155].

Японский обед, о котором уже тогда нередко писали те, кому, волей случая, удалось приобщиться к японской трапезе, превзошел

все ожидания: все было так необычно, что И. А. Гончаров посвятил ему большую главу, не забыв описать и известное сегодня во всем мире искусство чайной церемонии.

Как известно, чайная церемония – это своего рода ритуальное представление, в котором все, каждая мелочь, наделены особым смыслом. Дорожка к чайному домику, чайная утварь, интерьер комнаты, беседы, медленные и четкие движения мастера чайной церемонии, готовящего японский чай, – все это создает почти магическую атмосферу очищения и внутренней отрешенности. Японская чайная церемония – это не чаепитие в прямом смысле слова, и сам чай, зеленая, горьковатая, вязкая масса, совсем не похож на то, что принято пить в Европе и в России (подробнее см., например: [2; 144–148]). Однако в России того времени, как и в Европе, «японское чаепитие» не рассматривалось еще как область традиционной культуры и уникальное искусство, и потому, наверное, в представлении И. А. Гончарова японский чай так и остался «крепким и ароматическим», но все же «не совсем вкусным, потому что был без сахара» [1; 156].

Экзотической показалась и последующая трапеза: перед каждым поставили отдельный столик, ничем не накрытый, подносы с многочисленными деревянными и лакированными чашками, похожие на чайные, только без ручек и покрытые крышечкой. Однако при всем обилии угощений еда для русских гостей могла оказаться недоступной: были поданы палочки для еды. Это обстоятельство огорчило всех: значит, быть без обеда. Но предусмотрительные японцы принесли каждому по ложке и по вилке. Надо сказать, что желание всех сказалось все прелести японского стола заставило некоторых отважиться есть палочками, пусть неумело, однако показав японцам свой интерес к их традициям. Японцы улыбнулись, закрывая рот руками, но, видимо, остались довольны.

Обед имел, как того и следовало ожидать, не только познавательный результат, а стал определенной «точкой перелома» в отношениях между присутствующими: вдруг открылось, что все очень похоже – так же с удовольствием едят, так же беседуют и могут быть настроены друг к другу дружелюбно. Чудесное чувство единения, ломающее преграды недоверия, охватило присутствующих, но лучше всех сказал один старый японец: «Мы приехали из-за многих сотен, а вы из-за многих тысяч миль; мы никогда друг друга не видали, были так далеки между собою, а вот теперь познакомились, сидим, беседуем, обедаем вместе. Как это странно и приятно!» [1; 160–161].

Так благодаря тонким наблюдениям И. А. Гончарова, стилю описания, в котором поражало, прежде всего, чувство уважения к чужой, временами странной и непонятной культуре, в России второй

половины XIX в. начало формироваться новое отношение к Японии. Стране, такой близкой географически и такой далекой в силу своей обособленности, которую И. А. Гончаров назвал «запретным ларцом с потерянным ключом». Первый шаг был сделан, но российскому обществу только еще предстояло открывать для себя культуру и быт этой страны.

### **Литература**

1. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия : в 2 т. // Собрание сочинений. – Т. 3. – М., 1953.
2. Джарылгасинова Р. Ш. Сны о Японии // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 129–148.